

Эльчин АСАДОВ

Писатель, режиссер

(Окончание. Начало в №9)

Запомните - мы борцы за счастье - вы, я и другие. Мы охраняем человечество от той ничтожной кучки, которая своими противоречивыми идеями и теориями хочет сделать всех несчастными. Мы сторожа на плотине. Держитесь крепче, Монтэг! Следите, чтобы поток меланхолии и мрачной философии не захлестнул наш мир. На вас вся наша надежда! Вы даже не понимаете, как вы нужны, как мы с вами нужны в этом счастливом мире сегодняшнего дня".

В ходе изложения сюжета Монтэг вспоминает, что когда-то давно, когда он был еще ребенком, он сидел однажды на берегу моря, на желтом песке дюн в жаркий летний день и пытался наполнить песком сито, потому что двоюродный брат зло пошутил над ним, сказав: "Если наполнишь сито песком, получишь десять центов". Но чем быстрее он наполнял его, тем стремительнее, с сухим горячим шелестом песок просыпался сквозь дырочки. Руки у него устали, песок был горячий, как огонь, а сито все оставалось пустым. Он молча сидел на берегу в душный, июльский день, и слезы катились по его щекам.

Неудивительно, что Рэй Бредбери в создавшемся мире, в частности в американском обществе, в котором был введен массовый гипноз, где присутствует ограниченность умов - ссылается и неспроста на святое Писание, на Библию!

Монтэг подспуно прибегает к книге, как изголодавшийся по божьим заповедям путник, идущий по пустыне. Когда пневматический поезд мчал его, потряхивая и качая, по пустым подземным коридорам, он вспомнил безжалостную логику сита и, опустив глаза, вдруг увидел, что держит в руках раскрытую Библию. Это было запрещено, держать, хранить, читать книги, а ему тем более как пожарнику хранителю всеобщего спокойствия, свободы и счастья. А в вагоне были люди, но он, не скрываясь, держал книгу в руках, и в голову ему вдруг пришла нелепая мысль: если читать быстро и все подряд, то хоть немного песка задержится в сите.

На первый взгляд, может показаться, что автор книги взял за основу тему уничтожения мирового наследия и всеобщий механизм в поджигании и ликвидации книг, что несомненно является актом нелепого вандализма, ненаказанной преступностью и террором против человечества. Но тем не менее в произведении присутствует немаловажный фактор телевидения и его пагубное влияние на сознание масс. Учитывая то, что произведение создавалась приблизительно в момент зарождения телевизора и телевидения, но

РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ,

как глубоко и пронизательно автор охарактеризовал "промывание мозгов" через массмедиа и телерадиовещание. Телевидение превратится по Р.Бредбери в смехотворную абракадабру, вернее в каламбур (что мы и наблюдаем с 1950 -х годов по сей день) в инструмент зомбирования и инструмент воздействия на психологию народных масс.

Персонажи будущего по книге Р.Бредбери живут и дышат в реалиях исковерканных телевизионных гостиных. Супруга Монтэга Милдред, недалекая женщина, которая вращается в вымышленном мире трез телевидения и она сильно подседа на ток-шоу, реалити-шоу и шоу-программы как на сильнодействующий и дорогой наркотик. Милдред и ее подружки не мыслят жизни без программ. Женщины подсаженные на теленаркотик, страшнее конца света. Они по Р.Бредбери очень пустые и глупые и слышат сарказм автора об этом, когда женщины говорят между собой по телефону о Белом Клоуне, который сегодня в вечерней программе!

Телевизионные "родственники" - для зрителей почти что живые люди. Они им что-то говорят, а зрители смеются и так происходит "смешное" общение. "Говорящие стены" и "родственники" настолько сильно вошли в обыденную, в повседневную жизнь людей будущего, что без них немисслемо существование. Серийные "родственники" - это голограммы, присутствующие в квартире и заменяющие им родных и близких, так сильно ввевшихся в кровь и в сознание, что уже отсутствие таковых могло бы вызвать сильное психическое потрясение. Абсурдным является и то, что личность Христа стала голограммой среди многочисленных "родственников" и во всех квартирах. Его, по мнению автора, раздели, вернее, раздели, так что узнал бы господь бог своего сына!

"Теперь это настоящий мятный леденец. Он источает сироп и сахарин, если только не занимается замаскированной рекламой каких-нибудь товаров, без которых, мол, нельзя обойтись верующему".

В этом чувствуется злая насмешка и в то же время очень обоснованная утрированность Р.Бредбери подтекст и магический момент, который он не смог бы просто обойти.

Для людей будущего, которые гипнотизированы просмотром телевизора, который транслирует бесчисленное количество реклам и передач, неудивительно, что им будут применять такой психологический прессинг, именуемый как "25-й кадр".

"25-й кадр" выдает сигналы для смотрящего телевизор с нужной информацией вроде "проголосуй" за того-то и того-то, который глазу не заметен, но мозг считывает и фиксирует железопослание. Это является ничем иным как программированием непосредственно через рекламу или передачу.

Писатель ставит идею одурманивания масс путем телевидения, возможно и не во главе угла и повествования, но оно идет красной нитью и никак не носит второстепенный фактор в произведении. Идея телевидения главная, хотя и завуалированная. Одна беда уничтожения книг, но еще больший бич - это телеви-

дение, где супруга Монтэга Милдред под воздействием "родственников" абсолютно не реагирует на мужа.

Как бы мы не рассматривали сей вопрос, люди все же более и сильнее управляемы механизмом телевидения. Голубой экран смотрят в процентном соотношении намного больше, которое навязывается нам бессознательно, чем люди, которые сами выбирают себе книги для чтения.

Второй путеводной звездой (по сюжету Монтэг с ним встречается раньше Клэриссы, но о нем упоминается мельком) в становлении главного героя на "скользком" пути инакомыслия является старший профессор Фабер. Именно Фабер прививает Монтэгу, что "книги пахнут мускатным орехом или еще какой-то пряностью из далеких заморских стран", "книги - только одно из местилещ, где мы храним то, что боимся забыть", "хорошие писатели тесно соприкасаются с жизнью. Предшественные - лишь поверхностно скользят по ней. А плохие насилюют ее и оставляют растерзанную на съедение мухам".

Старик Фабер с присущим ему энтузиазмом и неугасающим желанием не подчинения сложившимся устоям реальности объяснял Монтэгу, почему так важны книги, как например Библия, и отвечая на свой вопрос говорит, что они обладают качеством, а качество это - текстура, ткань книги, а у Библии есть поры и что она дышит: "Теперь вам понятно, почему книги вызывают такую ненависть, почему их так боятся? Они показывают нам поры на лице жизни. Тем, кто ищет только покоя, хотелось бы видеть перед собой восковые лица, без пор и волос, без выражения. Мы живем в такое время, когда цветы хотят питаться цветами же, вместо того чтобы пить влагу дождя и соки жирной почвы. Но ведь даже фейерверк, даже все его великолепие и богатство красок создано химией земли. А мы воображали, будто можем жить и расти, питаясь цветами и фейерверками, не завершая естественного цикла, возвращающего нас к действительности. Известна ли вам легенда об Антее? Это был великан, обладавший непобедимой силой, пока он прочно стоял на земле. Но когда Геркулес оторвал его от земли и поднял в воздух, Антей погиб. То же самое справедливо и для нас, живущих сейчас, вот в этом городе, - или я уж совсем сумасшедший. Итак, вот первое, чего нам не хватает: качества, текстуры наших знаний".

По мироощущению Фабера только два условия и при необходимости третьей вещи можно изменить мир. Первое - это качество наших знаний. Второе - досуг, чтобы продумать, усвоить эти знания. А третья - право действовать на основе того, что мы первоначально из взаимодействия двух первых: "Но сомнительно, чтобы один глубокий старик и один разочаровавшийся пожарник могли что-то изменить теперь, когда дело зашло уже так далеко..."

Но Монтэг с убеждением верит в спасение человечества, поэтому его ответ следует незамедлительно: "Знаете, в положении умирающего есть свои преимущества. Когда нечего терять - не боишься риска".

Фаберу не совсем по душе крамольные идеи пожарника Монтэга раздобыть

печатный станок и отпечатать несколько экземпляров спасенных им книг. Фабер в силу своего преклонного возраста и с желанием еще пожить на белом свете боится гнева правительства и тем самым хочет себя обезопасить: "Вот если бы вы предложили отпечатать несколько книг и спрятать их в домах у пожарных, так чтобы посеять семена сомнения среди самих поджигателей, я сказал бы вам: браво!"

Профессор Фабер смотрит на мир более философски, но с подходом и в то же время с практическим взглядом на жизнь. Именно он перенаправляет мысли Монтэга в единую конструкцию, в целостный формат старательно собирая кусочки бытия в реальную картинку сложившегося мира словно незамысловатый пазл: "Ведь когда-то книг у нас было сколько угодно, а мы все-таки только и делали, что искали самый крутой утес, чтобы с него прыгнуть. Тут достоверно только одно: да, нам необходимо дышать полной грудью".

Р.Бредбери неспроста приводит со слов Фабера параллель с римским императором Гай Юлием Цезарем реализую его прототип в своем герое Гае Монтэге: "Ведь книги существуют для того, чтобы напоминать нам, какие мы дураки и упрямые ослы. Они как преторианская стража Цезаря, которая напештывала ему во время триумфа: "Помни, Цезарь, что и ты смертен"; или "Сами создавайте то, что может спасти мир, - и если утонете по дороге, так хоть будете знать, что плыли к берегу".

Старик Фабер прекрасно осознает, что в мире происходит и какие силы за этим стоят и что последует потом! Поэтому он и использует назидательно термин "дивертисмент", который обозначает театральное представление из различных эстрадных номеров в дополнение к Главному Представлению: "Время от времени вы, пожарники, устраиваете для нас цирковые представления - поджигаете дома и развлекаете толпу. Но это так - дивертисмент, и вряд ли на этом все держится. Охотников бунтовать в наше время осталось очень немного. А из этих немногих большинство легко запугать. Как меня, например. Можете вы плясать быстрее, чем Белый Клоун, или кричать громче, чем сам господин Главный Фокусник и все гостиные "родственники"? Если можете, то, пожалуй, добьетесь своего..."

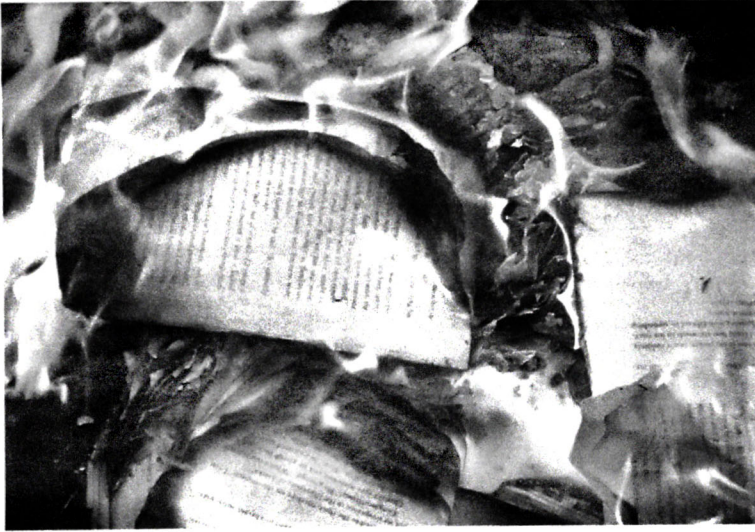
Как раз в череде происходящих событий должна начаться война, о которой постоянно не забывает упоминать автор как о апокалипсисе.

Пока они с профессором Фабером говорили, над домом проносились эскадрильи бомбардировщиков, держа курс на восток. Они прислушивались к мощному реву реактивных моторов, чувствуя, как от него все сотрясается у них внутри: "Вот будет война - и все наши гостиные сами собой умолкнут. Наша цивилизация несется к гибели. Отойдите в сторону, чтобы вас не задело колесом..."

Зачем тратить свои последние часы на то, чтобы кружиться по клетке и уверять себя, что ты не белка в колесе?"

Дагдака о выходе из употребления газет вновь всплывает перед нами как утонувший мятник с осознанием того, что автор, возможно, противоречит сам себе или сознательно это намеренно делает

ИЛИ 451 ГРАДУС ПО ФАРЕНГЕЙТУ

для какой-то икс-идеи, которая вводит нас в заблуждение и непонимание. Фабер говорит: "Впечатление было такое, как будто прекрасная статуя из льда тает у тебя на глазах под палящими лучами солнца. Я помню, как одна за другой Умирали Газеты, словно бабочки на огне". Но мы выше писали о том, как Монтэг представлял себе, что если умрет его жена Милдред, он не сможет плакать о ней. Ибо это будет для него как смерть чужого человека, чье лицо он мельком видел на улице или на снимке в ГАЗЕТЕ.

И Фабер, возвращаясь к своим размышлениям, как возродить былую славу прогресса и вымирающей цивилизации, продолжает: "Мы можем отпечатать несколько книг и ждать, пока не начнется война, которая разрушит нынешний порядок вещей и даст нам нужный толчок. Несколько бомб - и все эти "родственники", обитающие в стенах гостиных, вся эта шутовская свора умолкнет навсегда! И в наступившей тишине, может быть, станет слышен наш шепот". Монтэг, подумав, отвечает: "Ведь всего неделю назад, наполняя шланг керосином, я думал: черт возьми, до чего же весело!"

Старик кивнул головой и абстрактно отстранившись ответил: "Кто не созидает, должен разрушать. Это старо как мир. Психология малолетних преступников".

В ходе повествования Монтэг пытается, как это присуще людям, которые хотят поделиться своими впечатлениями, повлиять на сознание жены и ее подруг, почитав тем самым им книгу. Но сделал он это с одержимостью тирана, безоговорочно и с неугасимым возбуждением. Спустя какое-то время Монтэг думал о тех женщинах в его гостиной как о пустых женщинах, недалекых, из которых неоновый ветер давно уже выдул последние зернышки разума, и о своей идиотской пустой затее читать им книгу. Это было все равно, что пытаться погасить пожар из водяного пистолета. Бред, сумасшествие! Это был просто припадок бешенства.

И впоследствии сюжет книги развивается самым неожиданным образом для нас. Звенит звон пожарного колокола, оповещающая "о новом деле". Рупор пожарной сигнализации гудит под потолком. В другом конце комнаты стучит телефонный аппарат, записывающий адрес "злоумыш-

ленника". И этот адрес оказался - домом Монтэга! Как бы сказал в этом случае профессор Фабер: "Это было бы смешно, если бы не было так грустно".

Монтэг, сам теперь собственноручно сжигал свой дом и содержимое в нем за содеянное тайное преступление хранение книг! Огромный язык пламени вырвался из его огнемата, ударил в книги и отбросил их к стене. Он сжигал стены спальни (он даже удивился, что в них заключено столько жара и страсти) и туалетный столик жены, потому что жаждал все теперь изменить. Он сжигал стулья, столы, а в столовой - ножи, вилки и посуду из пластмассы - все, что напоминало о том, как он жил здесь, в этом пустом доме, рядом с чужой ему женщиной, которая забудет его завтра, которая ушла и по словам Битти дала им сигнал тревоги и уже наверняка забыла его и мчится сейчас одна по городу, слушая только то, что нашептывает ей в уши радио - "Ракушка", от которого она зависла словно от кислородного баллона.

Но если "проект" вышел из-под контроля, мы все равно не верим в безнадежность ситуации и решение к Монтэгу приходит внезапно и осознанно и со словами обращенные к Битти: "Мы всегда жгли не то, что следовало..." спускает в него длинную струю жидкого пламени из огнемата. И в следующее мгновение Битти уже был клубком пламени, скачущей, вопящей куклой.

"Раздалось шипение, словно жирный плевок упал на раскаленную плиту, что-то забулькало и забурило, словно бросили горсть соли на огромную черную улитку и она расплылась, вскипев желтой пеной".

Пустившись в бега, погоню и охоту, которую устроило за Монтэгом правительство, а телевидение уже возвещало его фото и имя на всю страну, он подошел к реке, той, которую ему подсказал Фабер и которую он должен тихо и незаметно переплыть, чтобы примкнуть к группе таких же как он диссидентов. Но в пути над ним все время кружатся геликоптеры с телекамерами, отслеживая каждый шаг.

Как уже говорилось выше, прообраз Гая Юлий Цезаря, воплощенный в Гае Монтэге, не случаен. Общеизвестно, что в 49 году до н. э., вопреки запрету римс-

кого сената, Юлий Цезарь со своими легионами перешел реку Рубикон, воскликнув: "Жребий брошен!" И это послужило началом войны между сенатом и Юлием Цезарем, в результате которой Гай Цезарь овладел Римом.

Монтэг также идентично переходит реку! И он вдруг видит впереди огонь, который блеснул на секунду. Но огонек горел, и Монтэг начинает подкрадываться к нему. "Прошло добрых пятнадцать минут, прежде чем ему удалось подойти близко; он остановился и, укрывшись за деревом, стал глядеть на огонь. Тихо колеблющиеся пламя, белое и алое; странным показался Монтэгу этот огонь, ибо он теперь начал для него совсем не то, что раньше".

Этот огонь ничего не сжигал - он согривал. Он даже не подозревал, что огонь может не только отнимать, но и давать. Даже запах от этого огня был совсем другой.

Он увидел, что вокруг костра были люди. Слово мир весь сосредоточился здесь, у этого костра, словно мир - это лежащий на углях кусок стали, который эти люди должны были перековать заново.

Монтэг знакомится с группой пожилых профессоров, главным из которых был Грэнджер. Они имея приспособление портативный телевизор имели возможность узнать новости о неугодном преступнике Монтэге. Полицейские геликоптеры, потеряв уже из виду Монтэга, продолжали погоню уже за вымышленным беглецом, которого показывали размыто и общим планом во имя сохранения своей власти и могущества. Они просто инсценировали погоню, в конце концов в объектив ворвался "механический нес" и заключают фигуру человека в клетку из белых сверкающих столбов света. Пес делает скачок и стальное чудовище выпускает пулю, стремящуюся к мишени.

Люди вместе с Монтэгом сидели молча у костра, с застывшими лицами, пока с темного экрана не прозвучал голос диктора: "Поиски закончены. Монтэг мертв. Преступление, совершенное против общества, наказано".

Грэнджер познакомил Монтэга со своими людьми, друзьями и сказал, что каждый из них это книга: "Все мы - обрывки и кусочки истории, литературы, международного права. Байрон, Том Пэйн, Маккиавелли, Христос - все здесь, в наших головах. Но уже поздно. И началась война. Мы здесь, а город там, вдали, в своем красочном уборе... Не мы управляем страной, мы лишь ничтожное меньшинство, глас вопиющего в пустыне. Когда война кончится, тогда, может быть, мы пригодимся".

Монтэг пытался разглядеть лица своих спутников, старые, изборожденные морщинами, усталые лица, которые он видел у костра и как сказал ему Грэнджер в шутку, чтобы он - не пытался судить о книгах по обложкам.

И в это мгновение началась и окончилась война. Мимолетная вспышка света на черном небе, чуть уловимое движение. Спустя несколько секунд грохот далекого взрыва принес Монтэгу весть о гибели города.

Определенно, что в минуты бедствия и несчастья приходит прозрение и осознание того, что все быстротечно и тлен-

но. Монтэг вспоминает вдруг главы из Экклезиаста и "откровений", и он одновременно думает "сколько еще городов погибло в других частях света? Сколько их погибло в нашей стране? Сто, тысяча?"

Автор намекает на пришествие конца света и группу смельчаков пытающихся возродить гибель цивилизации. Грэнджер на правах старшего сказал: "Когда-то в древности жила на свете глупая птица Феникс. Каждые несколько сот лет она сжигала себя на костре. Должно быть, она была близкой родней человеку. Но, сгорев, она всякий раз снова возрождалась из пепла. Мы, люди, похожи на эту птицу. Однако у нас есть преимущество перед ней. Мы знаем, какую глупость совершили. Мы знаем все глупости, сделанные нами за тысячу и более лет. А раз мы это знаем и все это записано и мы можем оглянуться назад и увидеть путь, который мы прошли, то есть надежда, что когда-нибудь мы перестанем сооружать эти дурацкие погребальные костры и кидаться в огонь. Каждое новое поколение оставляет нам людей, которые помнят об ошибках человечества".

Люди-книги окончили завтрак и погасили огонь. Монтэг двинулся в путь. Он шел на север. Оглянувшись, он увидел, что все идет за ним. Удивленный, он посторожился, чтобы пропустить Грэнджера вперед, но тот только посмотрел на него и молча кивнул. Монтэг пошел вперед.

Удивляет только тот факт, что Грэнджер добровольно и с молчаливого согласия отдает свое место лидера, отыграв свой бенефис Монтэгу, что оперируется тем, что произведение из жанра фантастики и оправдываете тем, что люди будущего не будут настолько амбициозно настроены и дадут вести себя такой сильной и неоднозначной личности как Монтэг. Сам обстоятельства, говорят о том, что он избранный Богом и это подталкивает Монтэга (учитывая немаловажный фактор привилегии его притеснения властями, которая более "приоритетная") стать вожаком новой цивилизации, нового человечества словно Мессия.

Кармический код предопределения все время повторяется, теперь Монтэг вел своей легион словно Цезарь на Рим, Монтэг вел свою паству словно Моисей по Синайской пустыне в Землю Обетованную.

Теперь Монтэг чувствовал, что в нем пробуждаются и тихо оживают слова. Что скажет он, когда придет его черед? Что может он сказать такого в этот день, что хоть немного облегчит им путь? Но всему свое время. Время разрушать и время строить. Время молчать и время говорить:

"...И по ту и по другую сторону реки древо жизни, двенадцать раз приносящие плоды, дающие каждый месяц плод свой; и листья древа - для исцеления народов".

С этими словами Монтэг думал начать свою речь в полдень, когда они подойдут к городу.

При силе мысли: И песок может задержаться в сите, если его сильно раскачать превращая в слипшуюся твердую почву. И колесо времени можно остановить фортуной обращенную к себе лицом. И даже один человек, бросивший вызов себе и судьбе, может изменить мир!